

УДК 141.3 + 930.1 + 316.37
DOI 10.18522/2227-8656.2021.5.4

Три статьи в журнале – научная

**ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО
СУБЪЕКТА В ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ**

**UNDERSTANDING THE SOCIAL
SUBJECT IN THE HISTORY
OF PHILOSOPHY**

© 2021 г.

***И. Б. Чернова*,
Н. В. Галанина****

© 2021

***I. B. Chernova*,
N. V. Galanina ****

** Московский университет МВД
России им. В.Я. Кикотя,
г. Подольск, Россия*

** Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Podolsk, Russia*

Цель исследования: обозначить взаимосвязь индивидуального бытия с внешним (природным, духовным, социальным), рассмотреть трансформации индивидуального бытия в зависимости от исторического периода.

Objective of the study is to identify the relationship of individual being with the external (natural, spiritual, social), to consider the transformations of individual being depending on the historical period.

Методологическая база исследования. В статье использованы аналитический, сравнительный и историко-генетический методы исследования.

Methodological basis of the research. The article uses analytical, comparative and historical-genetic research methods.

Результаты исследования. В статье проведен анализ трансформации понимания субъективной реальности (социального субъекта) в истории на основе социально-философских исследований. На основе обширного историко-философского материала авторы показывают разворачивание философской мысли от статичного понимания субъекта к пониманию отдельного человека как социального субъекта, детерминирующего общественное бытие.

Research results. The article analyzes the transformation of the understanding of subjective reality (social subject) in history on the basis of socio-philosophical research. Based on extensive historical and philosophical material, the author shows the unfolding of philosophical thought from a static understanding of the subject to the understanding of an individual as a social subject that determines social existence

Перспективы исследования. Дальнейшее исследование проблемы выявления социального субъекта в социально-историческом бытии мы видим в более подробном и расширенном рассмотрении современных философских концепций.

Prospects of the study. We see further investigation of the problem of identifying a social subject in socio-historical existence in a more detailed and expanded consideration of modern philosophical concepts.

Ключевые слова: социальный субъект; цивилизация; культура; самодетерминация; судьба; духовность

Keywords: social subject; civilization; culture; self-determination; fate; spirituality

Введение

Современная социальная философия, критикуя жесткий, прямой детерминизм механицизма, который проецировался на общественную и индивидуальную жизнь, выделяет социального субъекта как деятельную и самоопределяющуюся суть бытия. Индивидуальное бытие имеет смысл, значение и цель. Идеи гуманизма будут всегда актуальны и значимы, куда жив человек, с осознанием свободы, творчества и самоопределения.

Но в рамках истории философии перед мыслителями стоял неотвратимый вопрос по поводу социального субъекта: каждый ли живущий человек способен соответствовать микрокосму и реальному бытию самодетерминирующегося субъекта, подобного творцу? Кто может быть социальной монадой, полноценно отражающей социум, детерминирующей его, определяющей цель и смысл истории, права, морали и других социально-культурных институтов.

Большинство людей проживают свою жизнь неосознанно, т. е. в философском понимании – бессмысленно, не пытаясь дать ответ на самый главный и ключевой вопрос: как прожить истинно человеческую жизнь? По Достоевскому это звучит так: тварь ли я дрожащая либо право имею? Платон считает, что к таким индивидам можно отнести тех, кто понимает смысл идей и готов посвятить жизнь идеям. Аристотель, говоря о высоких душах, уточняет, что и у человека может быть душа растительная, животная и человеческая, так вот «настоящие люди» имеют человеческую душу, т. е. смысл своего пребывания на земле не ограничивают животными инстинктами. Диоген с фонарем искал истинного человека в толпе. Думаем, что стоит проследить ход мысли ключевых европейских и русских философов на данную проблему.

Теоретические предпосылки и основания исследования

Чтобы убедиться в том, что человек в истории мифологии, религии и философии выступает не просто песчинкой, не связанной с мирозданием, необходимо обратиться к мыслям и произведениям великих и значимых представителей в истории человеческой мысли.

Начиная с мифологии, можно наблюдать значимых героев, которые не просто путешествуют, воюют, любят и создают, а действуют в соответствии с мирозданием и как будто призваны в этот мир чем-то

высоким, неотъемлемым и потусторонним. В мифах напрямую действуют боги через героев, которые чаще всего являются их детьми от земных людей либо были выбраны богами за те или иные качества проводниками их воли. Уже тогда авторы мифов интуитивно предполагали существование неких социальных субъектов, способных выступать и действовать от имени некой божественной объективной воли, которая движет миром. Герои мифов живут и притягивают внимание огромного количества людей во всем мире тысячелетиями. Легенды, мифы и сказки находят отклик в сердцах людей, так как органично связаны с субъективной реальностью каждого индивида и понятны на уровне бессознательного. Большинство современных людей, сами того не понимая, живут в мифологизированном пространстве, так как внутри каждого из нас живет ребенок, добрый, искренний, чувствующий связь с природой, космосом, энергией вселенной. Просто с возрастом мы перестаем доверять этому непосредственному и правдивому существу в нас и погружаемся в механистическое бытие, которое называем гонкой по кругу, суетой, обыденностью.

Но бывают в жизни моменты, когда мы особенно остро чувствуем свою связь с другим, запредельным бытием, и вот тогда оживают в нас мифы о божествах и героях, и нам хочется им подражать и повторять их подвиги из века в век. И это свойство человеческой личности уже может намекать, а порой и весьма красноречиво указывать на существование в нас того социального субъекта, который равнодушен к мировым законам правды, любви и справедливости. Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок – вот что приходит на ум касаясь самых первых и ярких произведений человеческой мысли – мифов, преданий и сказок.

Далее представление человека о себе как социальном субъекте можно проследить в античном полисе. Здесь личность измеряется не просто героизмом, направляемым божественной волей, но и связью и ответственностью, продиктованной общественными нуждами своего общества. В качестве социального субъекта мы можем наблюдать зрелого мужа, гражданина, подчиняющегося не только воле богов, но и законам государства. При этом государственность не является для граждан чем-то внешним и отрешенным, государство вплетено в систему базовых ценностей и является частью внутреннего мира человека, отождествляется с порядком, благоденствием и культурой. В настоящее время мы чувствуем государство больше в роли Левиафана, как некую внешнюю силу, за исключением единиц, реально осуществляющих властные полномочия. В античном же мире Аристотель определил человека как политическое животное, в естественные и базовые потребности

которого включена социальность как имманентная необходимость. Социальность не просто как совместное бытие, а как культурно обустроенное. Военные добродетели мифологических героев дополняются добродетелями гражданскими.

В этой связи можно вспомнить учение Конфуция о благородном муже, который действует, опираясь на некие высшие законы чести и гуманизма, переданные предками ритуалы и правила, а также в интересах поднебесной, занимая должности и служа своему народу, опираясь на чувство долга, образованность и воспитанность. При этом ни в античном мире, ни тем более в Китае не терялась связь с природой как неотъемлемой частью космоса, имеющего порядок и закономерность. Еще Гераклит писал, что все течет и меняется, повинуюсь законам единого логоса.

В Средние века на смену античного признания безличностного абсолюта приходит персонализм, где Бог стоит над миром и природой. Бог имеет свой замысел и творит окружающий мир по одному ему известному сценарию, а людям остается только довериться и принимать свое бытие полностью и безропотно, как некую судьбу, которая в любом случае имеет благие намерения, так как опосредована божественным провидением и замыслом. «Полная и непосредственная зависимость природы и человека от Бога как сверхприродной личности приводила при таких предпосылках к положениям крайнего фатализма» (Антология исследований культуры, 1997. С. 352). Люди боялись наказания, не были уверены в себе, и надежда оставалась лишь на доброту и милость Бога, который покаявшемуся простит его грехи.

В этот период можно обнаружить социального субъекта иного свойства. Им является тот человек, который стремится к духовности и нравственному самосовершенствованию не из-за одного страха перед Божьим судом, а из понимания себя как части духовного замысла, который понимает Бога как идеал, к которому надо стремиться, чтобы через свое спасение помочь спастись другим. Который старается вместить в себя любовь и нравственность подобно Богу, стать его достойным сыном. Такие люди становились социальными субъектами более высшего порядка, нежели просто те, кто ранее в истории понимал себя как часть мира и микрокосм, а также те, кто понимал себя частью природного и социального бытия. «Через хаос, через абсурдность, через чудовищность жизни, как солнце через тучи, глянет око Божье. Бога, который имеет личность, и личность, отображенную в каждой человеческой личности» (Антология исследований культуры, 1997. С. 355).

Таким образом, средневековая культура рождает социальную личность духовного порядка, культивирующую интерес к саморазвитию и

самосовершенствованию. Неслучайно в этот период зарождаются университеты, появляется уважение к книге как источнику высшего знания и мудрости.

В Новое время мы можем наблюдать запрос на иного социального субъекта в связи с изменившимися запросами общества и зарождающейся цивилизации. Этого субъекта можно определить как индивида мыслящего (мыслью – следовательно существую, по Декарту), произносящего вслед за Ф. Беконом, что знание – сила, и подобно Гегелю понимающего, что развитие – это обретение большей свободы, а разум движет всем, и историей в том числе. Гердер в своей работе «О происхождении языка» в 1772 г. отметил, что от гибели человека в естественном мире природы спасла смешленость. Социальный субъект Нового времени – это тот (по Гегелю), кто мыслит себя существом вечным, бесконечным и свободным, кто благодаря разуму открывает замысел Божий и способен, опираясь на теологию, философию и искусство, понять абсолютную идею мироздания.

В XIX в. идеи разумности, последовательности, историзма и прогресса сменяются на иррационалистическое видение истории, культуры и каждой отдельной индивидуальной судьбы. Исторический опыт показал, что разум порой ошибается и блуждает в потемках, а порой и может привести человечество к катастрофе и не способен дать ответы на самые важные вопросы: о Боге, душе и мире (И. Кант), а страсти и инстинкты доминируют в душе любого, даже самого просвещенного человека.

На смену разумной и смешленной личности приходит социальный субъект, понимающий силу этих темных и иррациональных сил, способный поставить свою индивидуальную волю выше традиционной религии, культуры и общественных моральных норм и правил. Европейский нигилизм призывает к поиску качественно иного социального субъекта.

Ф. Ницше, заявляя о смерти Бога как того, кто ограничивает наши возможности, обращается в поисках социального субъекта к творческой, высокообразованной и волевой личности, способной разрушить сдерживающие механизмы культуры и религии, того, кто способен отвергнуть объективные нормы и встать по ту сторону добра и зла. Рационалистический интеллект выстроил запреты, законы и правила, а истинная жизнь в них не вписывается и не укладывается, она глубже, шире, хаотичнее и должна более руководствоваться искусством, нежели разумом. Культурная среда выхолащивает саму жизнь, ограничивает свободный

дух субъекта. Волевой сверхчеловек, свободный и творящий должен прийти на смену христианину и мыслителю

Подобно Ницше понимает социального субъекта и В. Дильтей. Его субъект переживает и понимает жизнь как целостное явление, как поток в непосредственном ее переживании, которое соразмерно пониманию. Данное понимание иррационально, рефлексивно, целостно.

Г. Зиммель в роли социального субъекта, проживающего жизнь, видит не подвластных общей канве и имеющих коллективный разум субъектов, «но её (жизни) носителями оказываются индивиды, т. е. замкнутые в себе, имеющие в себе свой центр, однозначно обособленные друг от друга существа» (Зиммель, 1996. С. 15).

О. Шпенглер, говоря о своеобразии и уникальности социального бытия, выраженного через различные культуры, отождествляет социального субъекта с его культурной средой и духом как неким генетическим кодом, который зашифрован в религии.

В. Виндельбанд ставит индивидуальные феномены автономно и призывает рассматривать реальность фрагментарно, в уникальности неповторимых явлений и процессов. «Всякий человеческий интерес и всякая оценка, всё, имеющее значение для человека, относится к единичному и однократному» (Виндельбанд, 1995. С. 213). Каждая человеческая жизнь – явление, замкнутое само на себе, потому социальный субъект у него закрыт, как монада Лейбница, и только на поверхностном уровне осуществляет общение с миром. Г. Риккерт, поддерживая Виндельбанда, подчеркивает, что историю вообще можно наблюдать сквозь призму существования и чувствования развитой духовной личности, в нашем прочтении – социального субъекта. «Там, где действительность должна быть постигнута в её индивидуальности и конкретности, бессмысленно подводить её под общие законы или устанавливать законы исторического» (Риккерт, 1998. С. 186). Социальный субъект является носителем вечно значимых ценностей, таковым может быть далеко не каждый индивид. Для Виндельбанда и Риккерта в формах духовной культуры личности кристаллизуется все, что в ней есть.

Й. Хейзинга как представитель герменевтики считает, что осуществить познание бытия может лишь та личность, которая способна разделить дух и настроение своего исторического времени. Деятельность такого социального субъекта обусловлена вневременными, надличностными идеалами. Мы понимаем, что далеко не каждый субъект способен осуществить такое вживание в эпоху, а только высокодуховный и самостоятельно мыслящий. Самостоятельность этот субъект выражает в индивидуальной игровой форме.

Для Хейзинги социальный субъект – тот, кто видит и осваивает мир в некой игровой матрице. Хейзинга определяет игру как «свободное действие, стоящее вне обычной жизни, но полностью овладевающее участниками. Настоящая игра не связана с материальной пользой, но дает радостное возбуждение. Раскрывает человеческие способности, сплачивает группу. Игра воспитывает “человека общественного”, способного добровольно и сознательно участвовать в жизни коллектива, подавлять свои эгоистические интересы» (Хейзинга, 1992. С. 20–21). Иногда те, кого выгнали из какой-либо игры (революционеры, бунтари, еретики), сами становятся социальными субъектами и создают новые игры по правилам. Л. Гумилев называл таких людей пассионариями, способными создавать новые социальные объединения.

Постмодернисты явно указывают и настаивают на индивидуализме и обособленности личностного бытия. Они вовлекают человека в его поток жизненных желаний и устремлений, считая, что именно эти факторы детерминируют личность, а рефлекторные возможностей разума и его ценности – только лишь жалкие попытки человека упорядочить бытие. «Трагедия человеческого знания, трагедия гностицизма и сциентизма состоит в противопоставлении знания самой жизни» (Козловски, 1997. С. 106).

Культура все же помогает индивиду принять решение, степень и глубина включенности индивида в культурный контекст делают его выбор более или менее духовным, нравственным и эстетичным, хотя и весьма индивидуалистичным. Чем интенсивнее погружен субъект в высокую культуру, тем он будет более одухотворен и оставит красоту в автопортрете общества, но как исключительно индивидуально волевой акт. «Избежать случайности судьбы путем технического покорения окружающего мира не удастся, так как определения мира бесконечны (техника не успевает за случайностью) и за спиной технического решения случай и судьба вновь добиваются успеха» (Козловски, 1997. С. 60). Судьба – это сама индивидуальная канва, которую личность, такая как наш социальный субъект, выстраивает самостоятельно.

Социальный субъект постмодерна – это личность самодостаточная, не традиционная, со своим индивидуальным набором ценностей. В российской традиции, за исключением некоторых жителей мегаполисов, эгоизм и достижение субъективного счастья есть зло. Для русской философии характерно обращение социального индиви-

да не к воле, разуму и самовыражению, а через доброту, одухотворенность и интеллигентность.

Про представления о высококонравных людях лучше и ярче всего было написано в трудах философов – ярких представителей этого слоя общества: И. С. Аксакова, Н. Бердяева, Л. Н. Гумилева, Ю. М. Лотмана, Д. Лихачева, М. Гаспарова и др. В их трудах отмечается, что русская интеллигенция не тождественна западным интеллектуалам. Бердяев определил нашу высокую личность как идеологическую, сочувствующую народу. Первым русским интеллигентом, примером яркого социального субъекта он называет Радищева. Лотман понимал социального субъекта как соль нашей земли, несущую в себе миссионерское начало. Лихачев его суть увидел не только в знаниях, а прежде всего в способности к пониманию другого, терпимому отношению к миру и людям, приветливости.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследовав и рассмотрев историко-философский аспект обсуждения и видения социального индивида, его роли как в собственном становлении, так и в детерминации общества и его институтов, мы можем наблюдать широкую разницу во мнениях и суждениях на этот счет как среди философов, так и среди деятелей культуры и искусства.

Все эти мысли по поводу роли и сути человека в социальном бытии, разные по своему характеру и убеждениям, в который раз доказывают сложность и многогранность социального субъекта и его имманентности в социальном. Если представители Нового времени сводят всю социальную активность субъекта только в механистическую плоскость, строго детерминированную законами природы и социума, то с течением исторического времени наблюдается иное видение человека и его роли в истории становления социальных институтов.

Появляются новые факторы детерминации и самодетерминации субъективного бытия, кроме сугубо природных и социальных, такие как рок, судьба, игра, случайность, я-концепция и т. д. Конечно, они тоже не являются чем-то совершенно новым для философского анализа личности в разворачивающейся исторической реальности. У греков, индусов и китайцев подобные мотивы и представления о бытии индивидуальной реальности уже были, но нам как представителям и исследователям XXI в. ближе по актуальности и теоретической обоснованности, а также текстовой доступности исследования прошлых двух веков.

На наш взгляд, весьма оправданным является понимание индивида как социального субъекта, способного воплотить в своем внутреннем мире все социальное бытие, каковое ему является в современной жизнедеятельности и из внутренней памяти социального и природного бытия прошлого. Человек есть память, не только та, которую продуцирует мозг, но есть в нас еще и память генетическая, духовная, бессознательная и, наверное, еще есть много того, чего мы и не понимаем пока в себе.

Все ступени, стадии, эры, витки (каждый называет по-своему) общественного развития, которые пришлось пройти человечеству, разворачиваясь в природном и социальном пространстве новыми сторонами и вариантами как для самого себя, так и для окружающей действительности, впитывались в природу человека на всех уровнях его бытия, как ментального, так и физического. Мы можем вспомнить на бессознательном уровне такие формы бытия, которые сами лично не переживали в своей субъективной жизни. Эта социально-природная память позволяет нам быть не просто частицей бытия, механически детерминированной и жестко вписанной в реальность, а большим бытием, тем, которое еще в Античности считали микрокосмом.

Человек – это социально-природное бытие, которое постепенно разворачивается в истории и сохраняет ее внутри себя как код. Мы можем понимать и чувствовать миф настолько же реально, как и текст письма, написанного нашему личному другу сегодня. Религиозные чувства и откровения посещают и научного деятеля с атеистическими установками, а понимание значения роли государства и права обнаруживает в себе любой анархист. Сопереживание и сочувствование тому, что было с людьми в мире, с их историческими судьбами и выстроенными ими социальными институтами, есть в каждом!

Индивида все чаще и оправданно в современном мире видят как социальную монаду, содержащую в себе всю суть и стратегию исторической судьбы человечества. Найти в себе возможность соучастия с миром, культурой, природой и другими людьми может каждый, только далеко не все к этому стремятся по тем или иным причинам. Тех, кто открыл себя как микрокосм, можно назвать социальным субъектом.

Социальный субъект, например, для русских мыслителей – это тот, смысл жизни которого состоит в служении народу. Люди неравнодушные, с совестью и чувством долга.

Заключение

Разумеется, выявление детерминант смысла поступков человека как социального субъекта – это сложнейшая задача. «Далеко не просто проникнуть в сокровенный для человека мир его ценностей, мотивов действий, целевых установок. Но в принципе это возможно, ибо даже самая скрытая личность вынуждена, поскольку другого пути нет, так или иначе, конструировать свой прагматический мир не только в таинственной интимности, но и в доступных для окружающих языковых и предметных формах» (Канке, 2000. С. 245).

Социальный субъект не только пытается удержать и приумножить вечные и апробированные временем ценности, но он и создает новые формы бытия духовной и материальной культуры, исходя из богатства собственной души, судьбы и миссии. Является совестью нации, саморефлексией народа, рупором и критиком.

Литература

Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997.

Виндельбанд В. Избранное: дух и история. М., 1995.

Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996.

Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. М., 2000.

Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке // Философские исследования и современность. 2017. Вып. 6. С. 323–351.

Хейзинга Дж. Человек играющий. М., 1992.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск, 1993.

References

Anthology of cultural studies. (1997). Vol. 1. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian).

Windelband, V. (1995). *Selectas: Spirit and history*. Moscow. (In Russian).

Simmel, G. (1996). *Selectas*. Vol. 2. Moscow. (In Russian).

Kanke, V.A. (2000). *Main philosophical trends and concepts of science*. Moscow. (In Russian).

Koslowski, P. (1997). *Culture of post-modernism*. Moscow. (In Russian).

Rickert, G. (1998). *Nature sciences and culture sciences*. Moscow. (In Russian).

Fundamental values between Russia and the West: the axiological dimension of the clash of civilizations in the XXI century. (2017). *Filosofskiye issledovaniya i sovremennost'*, 6, 323-351. (In Russian).

Huizinga, J. (1992). *Playing man*. Moscow. (In Russian).

Spengler, O. (1993). *The Decline of Europe*. Vol. 1. Novosibirsk. (In Russian).

Для цитирования Чернова И. Б., Галанина Н. В. Понимание социального субъекта в истории философии // Гуманитарий Юга России. 2021.5 (51). С. 73–83.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.5.4

История статьи:
Поступила в редакцию – 25.08.2021 г.
Получена в доработанном виде – 29.09.2021 г.
Одобрена – 12.10.2021 г.

Сведения об авторах

Information about authors

Чернова Ирина Борисовна

Irina Borisovna Chernova

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В.Я. Кикотя

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

142121, г. Подольск,
бул. 65-летия Победы, 9,
e-mail: chibor@bk.ru

9 65th Anniversary of Victory Boul.,
Podolsk, 142121,
e-mail: chibor@bk.ru

Галанина Наталия Викторовна

Nataliya Viktorovna Galanina

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Московский университет МВД
России им. В.Я. Кикотя

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, 12,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru

12 Akademika Volgina St.,
Moscow, 117437,
e-mail: Natgal2411@uambler.ru